

— «Мяу-мяу?» — несколько раз позвала Чу Хэн, но, не получив ответа, решила, что племянник снова уснул. Подойдя ближе, она обнаружила, что Чу Мян в наушниках склонился над тетрадью.

— Опять пишешь в свою «Тетрадь смерти»? — Чу Хэн поставила на стол тарелку с фруктами. Шум привлёк внимание подростка — он тут же накрыл тетрадь руками и притянул её к груди, не давая тётке заглянуть.

Чу Хэн однажды случайно увидела содержимое этой тетради и с удивлением обнаружила, что племянник записывает всё, что ему не нравится — причём немало строк было посвящено ей самой. Увидев, что с началом учебного года привычка не исчезла, Чу Хэн серьёзно сказала:

— Тебе стоит изменить подход и записывать то, что тебе нравится. Разве твоё настроение не улучшится, когда ты будешь перечитывать такие записи?

— То, что мне нравится, я и так запомню. — Чу Мян даже не взглянул на неё. — А вот к неприятным вещам нужны причины. Если я столкнусь с ними снова, смогу напомнить себе избегать их.

Чу Хэн развела руками:

— Тогда покажи, что ты только что написал. Почему так много? Опять плохое про меня сочинял?

Чу Мян прижал тетрадь и отрицательно покачал головой:

— Нет. Просто дописывал то, что не успел за последнее время.

С приближением ежемесячных экзаменов домашних заданий становилось всё больше. Приходя домой, он сразу ложился спать после подготовки, чтобы сохранить энергию. Да и в школе в последнее время настроение было неплохим — раздражающих вещей попадалось меньше.

— Ох... а я готовила для кого-то сюрприз, — Чу Хэн нарочито повысила голос, — но раз он мне не доверяет, оставлю хорошую вещь себе.

Это заставило Чу Мян заколебаться. Он поднял взгляд и увидел, что тётя действительно держит что-то за спиной. Поджав губы, он отпустил тетрадь, и швырнув её на стол пробормотал:

— Будешь дарить или нет?

Чу Хэн фыркнула и нехотя протянула коробку с новым iPhone. Версия для материкового Китая

ещё не вышла, поэтому она попросила друга прислать два экземпляра из США — один для Чу Мяня.

Для подростка это действительно был неожиданный подарок, но он не показал радости. С каменным лицом он взял коробку, мельком осмотрел её и отложил в сторону — будто новенький телефон был менее интересен, чем английские слова в тетради.

— Так значит, ты всё ещё считаешь мой суп из маша невкусным, хоть и съел его немало... Тридцать девять... сорок... А кто такой Юй Жань? — Чу Хэн с любопытством разглядывала новое слово в тетради. — Твой одноклассник?

— Угу.

— Почему ты называешь его «маглом»?

— Он тупой. — Ответ Чу Мяня был лаконичен.

При первой встрече он считал Юй Жаня просто глупым и надоедливым, но теперь понял — его глупость достигла чудовищных масштабов.

Особенно в последние дни Юй Жань перенял откуда-то странную привычку: он постоянно приставал с просьбами «покрутить ему руки», утверждая, что тогда по предплечьям пробегает жжение, будто электрический ток, и это невероятно приятно. Поэтому после уроков он поворачивался боком, протягивая одну руку Фан Чжао, а другую — Чу Мяню, чтобы они скручивали его кожу одновременно.

Ну и псих... Чу Мяню становилось стыдно даже от воспоминания о том, как одноклассники смотрели на них странными взглядами. Он начал подозревать, что у Юй Жаня действительно есть какие-то нездоровые наклонности.

Но больше всего злила «развязность языка» Юй Жаня. На самоподготовке они часто играли в «крестики-нолики» на бумаге, но каждый раз Юй Жань громко объявлял:

— Чу Мянь, давай займёмся ООХХ!

А если его отвлекали, отвечал:

— Некогда! Мы с Чу Мянем в процессе ООХХ!

Для пятнадцатилетних подростков в период полового созревания такие намёки были поводом для бурной фантазии. Всё, связанное с «этим», вызывало у них понимающие ухмылки. Юй Жань болтал, не думая, но страдал от этого Чу Мянь, вынужденный терпеть странные взгляды

окружающих.

— Выйди, пожалуйста. Я хочу спать. — Чу Мянью поторопил тётю.

— Так рано?

— Да. — Он кивнул. Он уже договорился с Юй Жанем завтра вместе завтракать в столовой.

— Ладно, не забудь доесть фрукты.

Как только Чу Хэн вышла, Чу Мянью отложил ручку, быстро распаковал телефон, переставил SIM-карту из старого iPhone и собрался поиграть с ним в кровати. К несчастью, на полпути ноги вдруг подкосились — вероятно, чрезмерная радость спровоцировала приступ катаплексии. Стиснув зубы, он медленно опустился на пол, не издав ни звука.

С начала осени погода застряла в летней жаре, и лишь к концу сентября появилось намёк на прохладу.

Многие ученики младших классов представляли себе старшую школу прекрасной, как в манхве. Но через месяц учёбы все поняли: жизнь по-прежнему состояла из домашних заданий и экзаменов, а мечты оставались мечтами.

Лишь Юй Жанью по-прежнему верил, что в нём вот-вот пробудится магическая сила.

— У меня глаз дёргается, это явно предзнаменование, — слегка нахмурившись, Юй Жанью стоял у окна и меланхолично смотрел в небо. — Возможно, во время экзамена во мне проснётся «Небесное око», и я узнаю все ответы...

— Разве что во сне, — безжалостно разрушил его мечты Чу Мянью.

— Ты!.. — Юй Жанью тут же стиснул зубы и сверкнул глазами. — Сейчас я тебе покажу!

Он сложил ладони «биноклем», поднёс к глазам, уставился на Чу Мянью через импровизированные линзы и рявкнул низким голосом:

— Ага! Я вижу! Вижу тёмные тайны твоего разума! Как же грязно и мерзко! Какая низость и порочность! Ха-а-а!..

Чу Мянью схватил его за запястье, разжал «бинокль», затем ущипнул за обе щёки и дёрнул в стороны. Юй Жанью готов был плакать от боли и тут же сдался, крикнув: «Ладно, виноват!» Но стоило Чу Мянью отпустить его, как он тут же принялся за старое.

В класс вошли два преподавателя, хлопнули по кафедре, призывая всех успокоиться в ожидании экзаменационных листов.

На этом первом экзамене места распределялись случайным образом. Чу Мянью и Юй Жанью оказались в одном кабинете, через ряд друг от друга, и могли видеть друг друга, просто повернув голову.

Чу Мянью, воспользовавшись тем, что не хотел спать и голова была ясной, сначала написал сочинение, а затем неспешно приступил к остальным заданиям. Погружённый в анализ текста, он вдруг услышал тихие всхлипывания — будто кто-то рядом плакал.

Любопытствуя, он повернул голову и как раз успел увидеть, как прозрачная слезинка скатилась по щеке Юй Жаны.

Чу Мянью остолбенел. Он не понимал, что могло случиться с Юй Жанем во время экзамена — перед началом тот казался совершенно нормальным. Отложив сомнения, он незаметно для преподавателя перебрал Юй Жаню пачку бумажных салфеток, которые всегда носил с собой.

Юй Жанью автоматически поймал её и продолжил писать, одновременно вытирая лицо. Его странное состояние трудно было не заметить, и Чу Мянью не удержался, снова повернув голову, чтобы убедиться, всё ли в порядке.

Как только прозвенел звонок, Чу Мянью услышал, как Юй Жанью, передавая работы с задних парт вперёд, всхлипывая бормотал себе под нос:

— Эх, я так хорошо написал сочинение... Очень трогательно... Наверняка получу высший балл...

Чу Мянью потерял дар речи. Все его переживания мгновенно испарились, а рука так сильно сжала ручку, что та чуть не треснула.

На экзамене по математике у Юй Жаны не оказалось черновика, и он начал клянчить его у Чу Мянью. Тот ожидал, что Юй Жанью серьёзно займётся решением задач, но в середине экзамена услышал, как тот нарочито кашлянул несколько раз — явно пытаясь привлечь внимание.

Чу Мянью искоса взглянул на него и обнаружил, что Юй Жанью и правда не пишет ответы. Весь черновик был испещрён странными рисунками.

— Смотри!

Юй Жанью подвинул листок под партой и подмигнул в сторону Чу Мянью.

Тот нахмурился, словно спрашивая: «Что это?»

— Мстители!

Юй Жань сиял от восторга.

Чу Мянью знал, что это новый фильм этого года, но сам ещё не видел его, поэтому не узнал нарисованных персонажей. Хотя, судя по технике, рисунки Юй Жана выглядели довольно впечатляюще.

— Не узнаю.

Чу Мянью покачал головой.

— Это Железный человек.

Юй Жань ткнул пальцем в рисунок, затем подписал на досках: «Iron Man».

— А это Тор.

Он продолжил представлять персонажей.

Чу Мянью было неинтересно, кто они, но он уже закончил все задания, не хотел спать и от скуки решил развлечься с Юй Жанем.

Однако едва они начали это тихое взаимодействие, как учительница Ван медленно подошла с места преподавателя к Юй Жаню и замерла позади, наблюдая за его мелкими шалостями.

Чу Мянью всё это время полулежал на парте, подперев голову рукой, поэтому не выглядел вовлечённым. Когда учительница приблизилась, он не предупредил Юй Жана, а лишь усмехнулся в ожидании зрелища.

Наконец над Юй Жанем раздался голос:

— Чем это ты занят?

— Ой!

Юй Жань подпрыгнул на месте, как испуганная птичка, хватаясь за грудь, где бешено колотилось сердце.

Чу Мянью не смог сдержать смех и поспешно уткнулся лицом в сгиб локтя.

— Закончил писать и сразу за старое взялся, да? Я не наблюдала за экзаменом по языку — как ты справился? Юй Жань, я с тобой ещё разберусь после проверки работ. Погоди у меня! — Учительница ткнула пальцем в его рисунок. — Что это? Рисунок неплохой. Ты вообще собираешься отвечать на вопросы? Проверь ответы разок и сдавай работу. Выйди и постой там, раз уж не можешь усидеть на месте.

Услышав, что можно сдать работу досрочно, Юй Жань тут же протянул листы учительнице и собрался уходить.

Получив его работу, учительница Ван повернулась к Чу Мянью:

— Чу Мянью, может, и ты сдашь?

Тот растерялся от неожиданности:

— А?

— Вы же так весело переглядывались. Если уже проверил — сдавай. Выйдете вместе, будете друг другу компанию составлять.

Чу Мянью хотел отказаться, но Юй Жань среагировал быстрее. Он шагнул вперёд, схватил его работы и почтительно протянул учительнице:

— Спасибо, учитель, что выручили нас.

Выйдя из класса, Чу Мянью прижал Юй Жаня к стене в углу коридора, не давая тому пошевелиться, и отпустил только когда тот с трудом выдохнул: «Не могу дышать...» Юй Жань мгновенно оживился и утащил Чу Мяню к подоконнику.

— Ты все задания решил? — спросил Юй Жань.

— Это всё было на уроках. Даже последняя задача по математике — из домашнего задания.

— Что?! — Юй Жань остолбенел. — Чёрт, тогда мне конец, я даже домашку не писал.

— Значит, так тебе и надо, — усмехнулся Чу Мянью.

— Ладно, мне всё равно на эти подачки.

Юй Жань покрутил шеей:

— Так скучно... Чу Мянью, давай посоревнуемся, кто придумает самую нелепую сплетню.

Тот повернулся к нему:

— Как?

— Кто соврёт невероятнее. Я начну. — Юй Жань прикусил нижнюю губу, задумавшись. — Ну... У Фан Чжао член двухметровый, обычно обмотан вокруг талии.

— Ты омерзитель.

— Это он сам хвастался! Говорил, что может до двадцати сантиметров вырасти. Я не поверил — вот и сказал про два метра. — Юй Жань толкнул Чу Мянью локтем. — Теперь твоя очередь.

Чу Мянью на несколько секунд задумался, затем прошептал Юй Жаню на ухо свою выдумку.

— Бляядь... — Юй Жань потерял дар речи и тут же расхохотался. — Я сейчас расскажу Фан Чжао, что ты думаешь, будто его член съёмный! Это уже слишком!

Чу Мянью разозлился:

— Ты же сказал — соревнуемся в самой нелепой лжи. Не смей ему рассказывать.

Они просидели на подоконнике до конца экзамена, а когда Фан Чжао сдал работу, вместе отправились ужинать. По пути Фан Чжао постоянно ловил ощущение, что те двое перешёптываются за его спиной, но стоило обернуться — они делали вид, будто ничего не происходит.

— О чём вы двое замышляете? — прямо спросил Фан Чжао.

— Да ни о чём, — пожал плечами Юй Жань с невинным видом, в то время как Чу Мянью упорно смотрел вперёд.

— Глядя на вас, прямо как в той игре с 4399... — пробормотал Фан Чжао. — Где надо целоваться, пока босс не видит. Как она называется? «Офисный роман»?

Он вдруг остановился и неуверенно спросил:

— Вы же только что не...

— Нет! — хором ответили они.

Стоя на солнце, Чу Мянью почувствовал, как уши начинают гореть, и пожалел, что вообще связался с Юй Жанем.

Очевидно, глупость Юй Жана действительно была заразной.

<http://bllate.org/book/15486/1373213>